

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «КАЗАКОВ»

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ «КАВКАЗСКОГО РОМАНА»
И «КАЗАЧЬЕЙ ПОВЕСТИ»

(1856—1858)

Публикация П. А. Ж у р о в а

В 1853 г. Толстой начал сочинение, которое он называл в своих письмах и дневниках той поры «кавказским романом». Над этим «романом», из глав которого, с позднейшими добавлениями, выросла повесть «Казак», Толстой работал с перерывами в течение почти десяти лет, до 1862 г. Это был важный этап в его творчестве — опыт построения большого эпического полотна.

До нас дошло 578 листов черновых рукописей, относящихся к этой повести. Из них мы приводим в настоящей публикации несколько первоначальных глав и фрагментов, еще не бывших в печати. Публикуемые материалы имеют не только высокую художественную ценность, они представляют также исследовательский интерес.

Чтобы понять в самых общих чертах место публикуемых набросков в истории создания «Казак», определим основные этапы работы Толстого.

Самым ранним наброском следует признать рукопись, возникшую летом 1853 г. и озаглавленную «Терская линия» (она была опубликована нами в 1939 г. в т. 35-36 «Литературного наследства»). Это вступление по содержанию своему имеет характер этнографического очерка. В нем сообщаются сведения о свойствах и быте гребенского казачества. Набросок состоит из одной главы; вторая только начата. Отметим, что это единственный фрагмент, где действие происходит в станице Червленной, и рассказ ведется от первого лица: «Я приехал жить в Червленную...».

Дальнейшего развития этот замысел не получил. В августе того же 1853 г. Толстой приступил к поискам нового начала романа, названного им «Беглец». В это время написаны три главы, четвертая начата (опубликованы — т. 6, с. 176—188). Но и этот зачин, представлявший уже довольно развернутое повествование, впрочем очень еще далекое от будущих «Казак», был оставлен Толстым. Только кое-что из него было перенесено впоследствии в позднейшие рукописи и в законченный текст повести «Казак» (сцена на крыльчке, образ Марьяны за работой, зарисовки народных типов на площади).

К возобновлению работы над «кавказским романом» Толстой вернулся только в 1856 г., когда, уже приобретя литературную известность, жил в Петербурге и собирался выходить в отставку.

Еще в процессе обдумывания Толстой решил одновременно с «кавказским романом» писать на том же сюжетном материале «казачью повесть».

В 1856—1858 гг. были написаны три главы «казачьей повести» (без героя-офицера), составляющие ее зачин. Главам были даны следующие названия: «Праздник», «Кордон» и «Марьяна». Первые две главы — «Праздник» и «Кордон» напечатаны (т. 6, с. 198—205, 229—245 и 205—214); третья глава — «Марьяна» публикуется ниже. Больше Толстой к замыслу «казачьей повести» не возвращался.

В апреле 1857 г. Толстой опять взялся за «кавказский роман» — «Беглец» и написал еще одно — третье по счету начало его: три главы, нами публикуемые. Герой

романа — офицер, еще не имеет имени; молодой казак Терешка (будущий Кирка, а в 1862 г. — Лукашка) в действии не появляется, он только назван. В сцене гулянья нет завязки, т. е. встречи Терешки с Марьяной и их свидания. Основные персонажи определены, но обрисованы скупо. В дальнейшем офицер получит имя Ржавского, а позже превратится в юнкера Оленина; денщик Петров заменится дворовым человеком Оленина — Ванюшей. Образы Ерошки и Марьяны приобретут более углубленные черты.

В августе 1857 г. Толстой читает «Илиаду» и записывает в дневнике: «Вот оно! Чудо!<...> Переделывать надо всю „Кавк<азскую> повесть“; „Илиада“ заставляет меня совсем передумать „Беглеца“» (т. 47, с. 152).

Весною 1858 г. в Ясной Поляне Толстой вновь принимается за «кавказский роман». 24 февраля он записывает в дневнике: «Старое начало казаков хорошо, продолжал немного», а 26 февраля: «Писал рассказ Еп(ишки) о переселении с Гребня» (т. 48, с. 8). Эти записи относятся к работе над четвертой главой «кавказского романа» (опубликована — т. 6, с. 225—229).

Вслед за этим Толстой еще раз переписывает и переделывает все четыре главы и создает пятую главу: вводит в сцену вечернего гулянья Кирку и встречу казака с Марьяной. В этой рукописи (автограф 10) время действия меняется с поздней осени на лето. Во фразе: «Был жаркий октябрьский полдень» слово «октябрьский» зачеркнуто, вставлено «майский» и т. д. Из первой главы «казацкой повести» — «Праздник» — сюда переносится сцена прихода на гулянье двух молодых казаков, разговор Кирки с Марьяной; Степку сменяет бойкая и нарядная Устенка; ее возлюбленный не Ильяска, а «солдатский барин» — будущий офицер Дампиони; Ильяска переименовывается в Назарку.

В марте — апреле 1858 г. Толстой продолжает напряженно и с увлечением работать над «кавказским романом». 21 марта он пишет первое письмо Ржавского, а с 11 по 25 апреля — второе письмо — о тревоге (тревога в станице, схватка в бурунах, ранение Кирки), заканчивая им первую часть романа (опубликовано нами в «Литературном наследстве», т. 35-36, с. 278—284). «Теперь все переделать надо в лето», — записывает он в дневнике 25 апреля и на другой день, 26 апреля: «Перечитывал все и переделывал» (т. 48, с. 14). На этом была закончена работа над первой редакцией первой части романа.

Переделкой первой части, судя по дневнику, Толстой был занят всю осень 1858 г. 30 октября он отмечает в дневнике: «Переписывал Казака. Надо еще раз» (т. 48, с. 18).

Итак, 30 октября 1858 г. Толстой кончает вторую переработку первой части «кавказского романа» и тут же принимается за третью ее переработку. Всего Толстой четыре раза перерабатывал первую часть «романа». В соответствии с этим следует различать четыре последовательные редакции первой части «романа».

П е р в а я р е д а к ц и я (апрель 1857 и февраль — апрель 1858 г.) состоит из пяти глав, охарактеризованных выше (костяк будущей повести «Казак»). Действие в них начинается с прихода солдат в станицу и кончается свиданием Кирки с Марьяной, невольным свидетелем которого был офицер. Написаны два письма Ржавского к другу.

В первой редакции еще нет охоты с Ерошкой, сцены на крылечке, эпизода с абреком, вечеринки, сцены в садах. Повествование упрощенно кратко, без художественной отделки. Это пока остов романа.

В т о р а я р е д а к ц и я (осень 1858 г.) значительно расширена. Она заключает в себе по-прежнему пять начальных глав романа (первый день Ржавского в станице), но уже не два, а три письма Ржавского. Действие здесь переносится на лето. В первом письме Ржавского появляются мотивы обличения светской жизни, подробное описание Терской линии и гребенского казачества, разрабатываются те же эпизоды: посещение офицером Ерошки, песни Ерошки, охота без Ерошки, встреча на кордоне с Киркой, возвращение с казаком в станицу, подарок ему — 50 рублей (частично опубликовано — т. 6, с. 190—193). Во второе письмо Ржавского вводится сцена выкупа тела, образ офицера Дампиони (лишь упоминавшегося в первой редакции); нет

сцены на крылечке. Вечеринка у Дампони написана в двух вариантах: кратком и развернутом (публикуется ниже). Первый — без сближения офицера с Марьяной. Ржавский дичится и смущается девушек: обменивается с Марьяной несколькими словами и быстро уходит. Его любование Марьяной не переходит еще в любовь. За вторым письмом следует третье — о новом отношении офицера к Марьяне (оно публикуется нами), выражающее решительный поворот в его душевной жизни. Развязка



ТОЛСТОЙ

Фотография с дарственной надписью: «Гр. Л. Н. Толстой Д. В. Григоровичу на память. С. Петербург. 18 февраля 1856 г.»

Литературный музей, Москва

намечалась Толстым та же, что и в первой редакции: тревога, схватка с абреками, ранение Кирки; Марьяна прогоняет офицера.

Третья редакция (осень 1858 — начало 1859 г.). В ней сделана значительная перестройка в композиции «романа», написаны новые обширные главы, углубляющие действие.

Начало «романа» и костяк его остаются, но составляют уже четыре, а не пять глав (первый день Ржавского в станице и картина станичной ночи).

Описание Терской линии и гребенского казачества из первого письма Ржавского переносится в новую, пятую главу. Написана глава шестая — охота Ржавского с

Ерошкой. Последовательность эпизодов в первом письме сохраняется прежняя: посещение офицером Ерошки, офицер один на охоте, выход на кордон, выкуп тела, разговор Кирки и возвращение офицера в станицу с Киркой (автограф 13). Второе письмо превращается в авторское повествование (автограф 24). Из «казацкой повести» присоединяется глава «Марьяна», переделанная и дополненная. Степка переименована в Устенку, ее возлюбленный Ильяска (Иляс) сменяется офицером Дампиони. Третье письмо офицера сохраняется. Из «казацкой повести» взята картина праздника в станице и написана новая глава: нарядный Кирка с Назаркой возвращаются с гор после воровства коней и участвуют в гулянье (сцена хороводов, еще без песен и соперничества между Киркой и офицером) (автограф 22). Вторая вечеринка у Дампиони изображена без проводов Марьяны офицером. Развязка предполагалась Толстым такая же, как и в первой редакции.

На этом этапе работа над первой частью «кавказского романа» была оставлена до лета — осени 1862 г. В 1860 г. в Швейцарии Толстой написал главу из третьей части романа (т. 6, с. 157—161). Здесь Ржавский переименован в Оленина.

В феврале 1862 г. (уже после продажи романа М. Н. Каткову) Толстой создал еще три главы третьей части (т. 6, с. 161—175). В них рассказывается о жизни офицера Оленина через три года, когда цель его была достигнута, он опростился и живет с Марьяной.

Отметим, что в автографе первой главы, датированной 15 февраля 1862 г., молодой казак все еще Кирка. Переименование в Лукашку служит датой последнего периода работы — вторая половина 1862 г.

Четвертая редакция первой части «кавказского романа» — это уже повесть «Казак» (лето — осень 1862 г.). От замысла «кавказского романа» в целом после февральской попытки Толстой отказался. Он пробовал отказаться и от обязательства перед Катковым и предложил вернуть ему полученный гонорар, но тот не согласился. Тогда Толстой решил дать Каткову в счет долга первую часть романа, «как бы отдельное целое» (т. 60, с. 460). К работе над ней он приступил не раньше апреля 1862 г., а 28 ноября уже выслал Каткову первую половину повести; 8 декабря — вторую.

Создавая эту сводную последнюю редакцию, Толстой работал над заказанными им писарскими копиями текста третьей редакции первой части. Здесь офицер Ржавский окончательно превращается в юнкера Оленина, пишутся новые главы, создаются новые эпизоды — отъезд Оленина из Москвы на Кавказ, дорожные впечатления, мечты и воспоминания, кавказский вечер в станице, беседа двух матерей; «письма» Ржавского переделываются в повествование от автора; вместо незначительного и неясного образа Дампиони появляется образ князя Белецкого, по яркости и реалистичности приближающийся к будущим персонажам «Войны и мира». Написана (в пяти вариантах) концовка — прощальная беседа Оленина с Ерошкой, завершающая повесть.

Социальная направленность повести раскрывается на самом последнем этапе работы над ней, во вставках в главу отъезда Оленина: «Рабочий народ уж поднимается после долгой зимней ночи и идет на работы. А у господ еще вечер» (рук. коп. 38). Противопоставлением трудящегося народа и праздных господ пронизана в сущности вся повесть.

* * *

Мы публикуем одну главу из «казацкой повести» — «Марьяна» (1856—1858) и семь фрагментов из «кавказского романа» — три главы из «Беглеца» (1857) и четыре наброска «писем Ржавского» (1858).

Печатается первоначальный текст рукописей, так называемый «первый слой», без учета позднейшей правки Толстого, часто значительно меняющей и стиль и содержание. Под строкой приводятся лишь слова и строки, зачеркнутые писателем в первоначальной работе над рукописью.

ГЛАВА ИЗ «КАЗАЧЬЕЙ ПОВЕСТИ»

В 1856—1858 гг. Толстой написал три главы «казацкой повести»: «Праздник», «Кордон» и «Марьяна».

Две первые главы напечатаны А. Е. Грузинским (т. 6, с. 198—214 и 229—245). Третья глава — «Марьяна» публикуется впервые (по автографу 8). На этой главе замысел «казацкой повести» оборвался, но образы, положения, жанровые зарисовки были найдены Толстым и частично использованы в окончательной редакции «Казаков» — сцена сбора винограда в саду и разговор Марьяны с Устенкой о любви (ср. гл. XXIX—XXX — т. 6, с. 109—114).

Глава III. МАРЬЯНА

Прошли весенние теплые дни с перемочками, солнце стало печь жарче и всходить позже,^{1*} садилось оно в красное, пыльное зарево. С утра поднимался ветер, переносивший в бурунах облака песку. Лес весь глухо зарос и внизу и вверху ежевишником и диким виноградником, цветы опадали, с чинары уж слетали сухие листья. В садах везде была тень от широких листьев и под ними наливались и зрели зеленые кисти. Вода давно сбыла в Тереке. Все то же было в станице, казаки служили на кордонах, бабы работали в садах, в дому и на арбузах. Кирка^{2*} ездил в станицу, но не сватал Марьяны^{3*}. Тужила ли о нем Марьяна? никто не знал этого. Тяжелая работа занимала ее всю. С утра она вставала, окутывалась платком и еще босиком бежала к скотине. Потом запрягала арбу и шла с матерью или полоть виноград, или сажать арбузы. Там на солнце работала она, согнувшись, до полдня. Обедала в поле. Опять работала и только вечером, убрав скотину, выходила с семечками в рукаве на перекресток посмеяться с девками. Только потухала заря, она уж шла в хату и^{4*} поужинав в темной каморке с отцом, старухой и братишкой, ложилась, здоровая, усталая, на жесткое ложе и быстро засыпала без волнений и сновидений.

Был жаркий полдень. Марьяна сидела в тени персика на попоне, поджав ноги. Против нее сидел старик, отец. Луч солнца играл на его красном потном лбу и с проседью бороде, братишка лежал под арбой. Мать, засучив загорелые руки, раскладывала^{5*} обед на круглую доску. Каймак, печеная тыква, рыба и хлеб. Помолившись, семейство принялось есть. Марьяна была в одной синей рубашке, на голове ее была одна красная сорочка, лицо дышало силой и здоровьем, глаза блестели негой. И в тени пекло невыносимо. В воздухе стояла пыль, теплый ветер, проходивший сквозь ветви, не прохладил и только однообразно жарко гнул вершины груш и тутовых, рассыпанных кое-где по зеленому пространству виноградника.

Старик выпил из кувшинчика, закрытого виноградным листом, и дал старухе. Он был весел, работа^{6*} кончалась и виноград был хорош.

— Демкины еще не убрались, — сказал он про соседей по саду.

— Где им, одна Степка работает, они вишь на арбузы ехать хотели, бают, такие головы лежат, собирать надо.

1* Далее было: в середине дня

2* Далее начато: купил коня

3* Далее начато: С весны Марьяна

4* Далее начато: помолвившись

5* Первоначально: мешала

6* Далее начато: обрезки побегов

— Что ж, поедем и мы. Погуляет девка после.

— Ехать-то мудрено, — отвечала баба, — опять, слыхать, абреки в степи рыщут. Бают, наши казаки ловить поехали.

— Где поймать? ^{7*} Каких казачат послали, небось сами убегут, — сказала Марьяна.

— Что ж казаки... все люди казаки... — рассудительно заметил старик. — Да не твое бабье дело судить.

— А что Кирка-то наш, сирота, в гору пошел, абрека убил. Что ж девку сватать хотел, — сказала старуха.

Старик ничего не ответил. Марьяна встала, перекрестилась и легла под арбу. Степка пришла, окончив работу, и легла с ней вместе.

— Девке-то впрямь замуж пора, женихов много, — говорила старуха. — Не Кирке отдать.

— А отчего ж не Кирке, — сказал старик, — он казак добрый. Я богатства не ищу, только бы человек был хороший.

— Легко ли, за голого отдать...

Под арбой было тенисто и прохладно. Степка мастерица на все дела ^{8*}, поставила сучья от солнца, нарвала листьев и прикрыла ими жаркую сторону. Степка была белокурая, остроносая девочка, невысокая ростом, но весьма хорошо сложенная и миловидная. Она была первая шутница и мастерица играть песни и водить хороводы по всей станице.

Устроившись под арбой на мешке вянувшей травы под головой, Степка вдруг обхватила руками товарку и начала смеясь целовать ее.

— Будто ты мой побочин! Голубчик! Миленький... — говорила она, целуя в щеки и шею. Марьяна смеялась тоже и отбивалась.

— Вишь ты, жила с побочинами, так знаешь, как их любить-то.

— Аль завидно?

— Что врешь. Давай спать. Зачем пришла?

Но Степка тормошила и не давала ей заснуть.

Марьяна приподнялась на локоть, и между девками завязался разговор ^{9*} о предмете, наиболее занимавшем девок.

— Ведь ты, плут, отчего не расскажешь, — сказала Степка ^{10*}. — Ты что ж с ним ^{11*} уже давно видаешься?

— Нет, что ж мне...

— Вот я девка добрая! Я всем расскажу. Что мне прятаться. Разве я кому дурно делаю. Когда ж и гулять, как не на девичьей воле. Я ни от кого не скрываюсь. Ильяса люблю да и конец, а замуж за него не пойду.

— Как же, грех, девка, будет...

— Легко ли, время придет и замуж выйду. Вот ты замуж поди, тогда и в мысль радость не пойдет, все работа да работа... Да ты Расскажи, что у вас с Киркой? Как?

— Да что как? Весной он ко мне в сады выгнал корову... я искала, — говорил, что замуж возьмет. А после, вот с тех пор как чеченца убил, совсем другой стал. Приезжал в семик, все просил с ним пойти в сады. Я не пошла, я этого не люблю. Это дурно.

— А после еще говорил?

— Говорил, намердись ночью к окну приходил, пьяный, просился. Да я не пустила. Я раз слово сказала, сдержу. Девкой останусь, а глупости не сделаю.

^{7*} Первоначально: а. Кирка; б. Кого послали?

^{8*} Далее было: нарвала листьев

^{9*} Далее было: о Кирке и Илье

^{10*} Первоначально: Марьяна

^{11*} Первоначально: Киркой

КАЗАЧЬЯ СТОРОЖЕВАЯ ВЫШКА,
1860 г.

Фототипия из альбома: «Кавказские
походные рисунки Т. Горшельдта»,
1895 г.

Музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, Москва



Степка вдруг упала головой на землю, схватила М^арьяну и начала щекотать ее.

— Эх, дура, дура!— говорила она.— Счастья не хочешь.

— Брось,— говорила Марьяна, смеясь.— Брата раздавила.

— Вы чего, черти, разыгрались,—из-за арбы проговорила мать.— Кувшин чуть ногой не пролила.

— Счастья не хочешь,— продолжала Степка.— Ведь он теперь что стал. Кирка-то твой первый джигит по станице. Воскресенье посмотрела я на него. Какой конь, шашка в серебре вся. Ведь он захочет какую побочину — ни одна не откажется. Я у Иляса спрашивала — он никого не хочет, все по тебе тужит. Только, известно, ему жениться не охота,— песни, вся удаль пропадет. Он, слышь, к князьям ездит. Кунак с М. стал. Легко ли в счастье жениться ему...

— ^{12*}Так ничего же и не будет ему,— отвечала Марьяна.

— Крепка ты, посмотрю я на тебя.

— А вот в поход сходит, придет, тогда видно будет,— сказала Марьяна.

[— Посмотрим, дай бог.]

— Ну, спать, спать,— сказала Марьяна, бросаясь головой на мешок с травой ^{13*}.

— Ну, да приходи ночевать к нам нынче, он придет,— сказала Степка.

— Ладно, приду!— сказала М^арьяна и через минуту уже спала крепким сном.

Вечером Кирка с Илясом верхом вернулись в станицу. М^арьяна с Ст^епкой пошли ночевать к С^{те}пкиной матери. Кирку узнать нельзя было — на нем было все ^{14*} серебром шитом и он не робел. Эка отчаян..

^{12*} Зачеркнуто: Вот да

^{13*} Далее было: и через минуту уже она спала крепким сном

^{14*} Далее было: золото

ГЛАВЫ И ФРАГМЕНТЫ ИЗ «КАВКАЗСКОГО РОМАНА»

I

Публикуемые три главы (по автографу 4) писались в апреле 1857 г., после большого перерыва в работе Толстого над замыслом «кавказского романа» — «Беглец». Эти главы — новое начало, прочный костяк романа. В Юбилейном издании они изложены А. Е. Грузинским в очень кратком конспекте (всего семь строк) и напечатан неточно конец третьей главы со слов: «Песня прекратилась...» (т. 6, с. 224—225). Четвертая (опубликована — т. 6, с. 225—229) и пятая главы романа написаны уже в феврале 1858 г., когда Толстой перечитал готовые главы, исправил их и стал продолжать. В окончательном тексте повести «Казак» образы, факты, диалоги и детали из этих трех глав были использованы Толстым в четырех главах — X — XIII (т. 6, с. 38—54).

БЕГЛЕЦ

Глава 1. КАЗАЧЬЯ СТАНИЦА

Две роты пехотного кавказского полка пришли из-за Терека и, как в завоеванном краю, расположились стоять на зимних квартирах в гребенской староверческой станице.

Был жаркий октябрьский полдень. Запыленные, изнуренные шестичасовым переходом солдаты после расчета рассыпались по переулкам и площади станицы и занимали квартиры. У въезда, где остановился обоз, кашевары уж вырыли яму, устали котел и варили обед. Дым колом поднимался в ясное осеннее небо, и огонь костра, около которого, несмотря на тепло, грелись солдаты, как прозрачное расплавленное стекло, дрожал в чистом и редком воздухе.

Старые казаки одни, остававшиеся в станице, мрачно и молчаливо смотрели на хлопотню солдат ^{15*} и делали вид, что вовсе их не замечают. Бабы ожесточенно и пронзительно ругали солдат за все: и за то, что он вошел в хату, и за то, что взял воды, и за то, что поздоровался с хозяевами. Даже дети с недоброжелательным любопытством и удивлением смотрели на запыленных ^{16*}, грязных *армейских* с бритыми бородами и с невиданными сумками и ружьями. Но солдаты, тоже как будто не замечая суровости хозяев, по двое, по трое с веселым говором входили в хаты, развешивали амуницию, мылись, чистились и разбирали лапти и мешочки.

Ротному командиру отвели квартиру у старика хорунжего Иляски.

— Что ж это будет такое, ваше благородие? — сказал ^{17*} запыхавшийся денщик ротному командиру, когда офицер подъехал к своей квартире. Офицер был голубоглазый, румяный молодой человек.

— А что, Петров? — отвечал офицер, с веселой улыбкой глядя на вспотевшего, с спутанными волосами денщика, который, засучив рукава, с приторной злобой, но осторожно и ловко выкидывал вещи из повозки.

Денщик бросил ведро наземь, отошел от повозки и расставил руки.

— Вам вот смешно, — заговорил он, злобно хмурясь и стараясь удерживать улыбку, которая морщила ^{18*} его губы, — а вы подите-ка поговорите с этим народом. Не дают тебе ходу да и шабаш. Ни конюшни, ни для вещей, ни для вашего благородия, ни воды тебе, ничего не добьешься. Как тут жить будем ^{19*}, я не знаю. Хуже татар, ей-богу. На что турка,

^{15*} Далее было: или делали вид, продолжая заниматься своим делом

^{16*} Далее было: бритых

^{17*} Далее было: ротному командиру

^{18*} Первоначально: сбирала

^{19*} Первоначально: Хуже татар, ей-богу

и тот благороднее, — заключил денщик и сердито отвернулся. — Вам-то готово, — прибавил он как будто нехотя и снова пошел копать в повозке.

— Так турка благородней, Петров? — сказал офицер, добродушно улыбаясь. — Постой, я ^{20*} пойду к хозяевам, улажу. Мы тут заживем, брат, славно, — сказал офицер, направляясь к хате хорунжего, и еще раз повторил: — Так турка благороднее, Петров? — Петров не ответил, а только, посмотрев вслед офицеру, прищурил левый глаз, полу-ласкательно, полу-презрительно улыбнулся и покачал головой.

Офицер вбежал весело на крылечко хаты хорунжего и отворил дверь в сени. Высокая стройная женщина в одной розовой рубашке (как всегда ходят дома казачки) испуганно отскочила с середины комнаты за дверь и закрыла нижнюю часть лица широким рукавом рубахи ^{21*}. Когда офицер дальше отворил дверь и прямо увидал прижавшуюся в углу фигуру, из лица ее ему видны были только длинные черные глаза, блестящие диким любопытством и вместе с тем детским ужасом, которые жадно были устремлены на него.

Офицер прошел в хату и поклонился хозяевам.

— Чего надо? Что пришел? Черная на тебя немочь. Вишь в шапке, — начала ругаться старая казачка, сидевшая ^{22*} у печи.

Весьма смущенный таким приемом, офицер однако постарался объяснить старику хорунжему, что он желал бы дружелюбно устроиться с хозяевами и платить за квартиру. Седой худощавый старик, не вставая с места и едва взглянув на пришедшего, мрачно сказал, что ему денег не нужно. Офицер вышел, провожаемый бранью казачки.

^{23*} В то время, как он выходил из сеней, женская фигура в розовой рубашке и повязанная белым платком, так что опять только впалые черные глаза были видны, неожиданно шмыгнула мимо него, быстро сбежала сходы и, оглянувшись на офицера, скрылась за углом дома. Офицер не мог не заметить высокий рост, необыкновенную стройность, развитие силы мышц, обозначавшихся под легкой одеждой, и молодую щеголевато-твердую походку этой женщины. Он принял ее за дочь хозяина, и Петров ^{24*}, который уж начинал приводить вещи в порядок, раздобылся ^{25*} воды, разместил кое-как лошадей и был в лучшем расположении духа ^{26*}, заметил, что и девка такая же дикая, как ^{27*} кобылка табунная и сохватистая, — прибавил он и подмигнул офицеру.

2

Офицер умылся, обчистился, пообедал и, закулив трубку, уселся у окна своей новой квартиры. Он испытывал приятное чувство чистоты на умытых руках и лице и свежесть белья. Желудок легко варил здоровую пищу ^{28*}, молодая кровь полно обращалась в его здоровом теле.

Солнце уже опускалось к горам, которые розовея отделялись на горизонте ^{29*}, сухой воздух свежел, за рекой далеко и глухо ^{30*} изредка раздавались выстрелы, и фазаны звучно отзывались ^{31*} на них в чаще и

^{20*} Далее было: улажу

^{21*} Далее начато: так что офицер вид

^{22*} Первоначально: возив<шаяся>

^{23*} Зачеркнуто: а. В сенях он; б. Выход<я>

^{24*} Далее было: подтвердил его предположение

^{25*} Первоначально: и был

^{26*} Далее начато: под<твердил>

^{27*} Далее начато: а. оле<нь>; б. ланка; в. точно

^{28*} Далее было: кровь

^{29*} Далее начато: возду<х>

^{30*} Далее начато: раз<давались>

^{31*} Первоначально: на в<ыстрелы>

камышам за станицей. Офицеру было очень хорошо, особенно после жизни в ^{32*} душной и пустынной крепости, он радовался своему существованию, и, пуская голубые клубы дыма, смотрел в окно на природу и на станичный народ, который возвращался с работ, выходил на улицу и загонял скотину.

— Дядя Ерошка кувшин облизал! кувшин облизал!.. — закричали вдруг казачата, гонявшие ^{33*} кубари перед окнами офицера, обращаясь к высокому, плотному ^{34*} казаку с окладистой седой бородой, который, вышед из-за угла ^{35*}, бойко размахивая руками и весело поглядывая в окна хат, направлялся к дому ^{36*} хорунжего Иляски. Он как будто радовался на мальчишек, которые издалека бежали за ним и ^{37*}, дразня его, продолжали пищать:

— Кувшин облизал; дядя Ерошка! Сучку поцеловал!

— Мой грех, ребята, мой грех, — сказал, как бы про себя, седобородый ^{38*} казак, добродушной улыбкой открывая съеденные до половины крепкие зубы и подмигивая офицеру.

— Здравствуй, добрый человек, — сказал он офицеру, приподнимая папаху.

— Здравствуй, добрый человек, — отвечал офицер, — что это мальчишки кричат тебе: кувшин облизал?

— А радуются. Ничего, я это люблю. Пускай радуются над дядей, — отвечал старик с самоуверенной интонацией старика и красноречивого человека.

— Ты начальник что ли армейских-то? — спросил он. — Так, *карга!* — прибавил он после утвердительного ответа. — А надолго пришли сюда?

— Да, может, надолго.

— *Карга*, — опять сказал старик, — а что ты охотник?

— Охотник.

— А пьяница ты али нет?

— Отчего ж, и выпить люблю.

— Вот так *карга*. Ты молодец значит, я к тебе войду. Чихирю вели у хозяев взять.

— Хорошо, заходи, — сказал офицер.

Дядя Ерошка вошел в горницу, и только тогда офицер мог рассмотреть подробно эту странную фигуру. Он был скорее среднего, чем высокого роста, но казался выше, потому что был необыкновенно пропорционально и плотно сложен. Несмотря на то, что красно-коричневое его лицо ^{39*} с совершенно белой окладистой бородой было изрыто морщинами, его грудь, мышцы ног и рук были необыкновенно полны, развиты и бочковаты ^{40*}. На белой ^{41*} коротко обстриженной голове его, как вообще ходят казаки, были видны зажившие шрамы, шея, особенно сзади, была вся в клетках и морщинах, как у быка, корявые руки с толстыми пальцами были сбиты и расцарапаны; но по одному тому, как он, не стуча вывернутыми ногами, перешагнул через порог и снял шапку, видно было, как все члены этого человека были еще сильны, гибки и приемисты ^{42*}.

На нем был старый шелковый бешмет с галунами, узенькие чамбары и мягкие чуваки. На поясе с серебряной пряжкой ^{43*}, туго стягивавшем

^{32*} Далее начато: крепо<сти>

^{33*} Первоначально: игравш<ие>

^{34*} Первоначально: сильно<му>

^{35*} Далее было: направлялся

^{36*} Далее было: Иляски

^{37*} Далее было: пищали

^{38*} Первоначально: стар<ый>

^{39*} Далее было: и руки

^{40*} Бочковаты написано по другому слою, не поддающемуся прочтению.

^{41*} Далее было: голове его

^{42*} Далее начато: а. еже; б. на нем бы<л>

^{43*} Далее начато: болтал<ся>



Л. Н. ТОЛСТОЙ
Эскиз маслом П. П. Трубецкого, 1909 г.
Музей Толстого, Москва

его сильные ребры, мотался простой кинжал и роговая мерка для пороха. С ним вместе проник в комнату ^{44*} не-неприятный острый запах чихирю, водки, пороху и запекшейся крови.

Старик, казалось, был немного выпивши. Он не поклонился образам, а прямо подошел к офицеру и протянул ему свою корявую руку.

— Здравствуй, ваше благородие. *Кошкильды*, — сказал он. — Кошкильды — это значит по-татарски здоровья желаем, — продолжал он, садясь. — Ты ведь, я чай ^{45*}, ничего не знаешь, как у нас живут, ты — солдат! ^{46*} Я — Ерошка! — продолжал он с гордостью, — ежели мы с тобой кунаками будем, я тебя всему научу, и на охоту поведу и рыбу ловить, и чеченцев покажу и душеньку тебе укажу ^{47*}, — все сделаю. Карга? — прибавил он вопросительно.

— А *карга* что такое? — спросил офицер.

— Это так, мое слово любимое, поговорка моя. Это по-грузински значит хорошо. А что, отец мой, вели бабе чихирю ^{48*} принести. Иван! — закричал он. — У вас ведь что ни солдат, все Иван.

— Петров! — сказал офицер. — Купи чихирю и принеси сюда.

— Ну, все одно Иван, — сказал старик. — Иван, спроси ^{49*}, батюшка, из начатой бочки, у них первый чихирь в станице. Да больше 30 копеек не давай за осьмуху, а то она, ведьма, рада. Так-то, отец ты мой, — продолжал он, обращаясь к офицеру и ударяя его по плечу. — Я — Ерошка! я веселый человек, я всех люблю. — И старик засмеялся. Все зубы у него были целы и крепки, хотя съедены до половины, как у старой лошади.

3

Петров, уладивший] все свои дела, был в хорошем расположении духа, следующем обыкновенно за успехом какого-нибудь дела. Он взял две пустые бутылки из телеги и пошел к хозяевам, решившись быть особенно кратким.

— Здравствуйте, любезненькие, — сказал он. Он хотел даже сказать: добряшки, но раздумал, — барин вина купить велел...

Старуха ничего не отвечала. Девка стояла перед ^{50*} маленьким татарским зеркальцем и убирала платок на голове. Она молча оглянулась на денщика.

— Что ж, почтенные! Я деньги заплачу, — сказал Петров, доставая медные из кармана.

— Много ли? — спросила старуха, вставая. — Ступай, налей, — обратилась она к дочери, — ты что убираешься, чертова девка! Успеешь играть-то! ^{51*}

Девка взяла ключи и сопровождаемая Петровым пошла в избушку.

— Гм! К-ха! К-ха! — закричал Ерошка из окна офицерской квартиры. — Нянюка! А нянюка Марьянка! Ты из новой бочки налей, душенька!

Девка шла мимо, ровно и сильно размахивая руками, той особенно молодецкой походкой, которой ходят казачьи женщины, и не оглядывалась. Рта ее не видно было, но большие черные глаза, которыми она мед-

^{44*} Далее было: запах

^{45*} Далее начато: это<го>

^{46*} Далее было: И старик, засмеявшись, открыл все целые крепкие, но съеденные как у лошади до половины желтые зубы.

^{47*} Первоначально: покажу

^{48*} Далее было: нам

^{49*} Первоначально: принеси

^{50*} Далее начато: зеркала

^{51*} Далее начато: Петров с



ТИПЫ КАЗАКОВ, 1860 г.

Фототипия из альбома «Кавказские походы», рисунки Т. Горшельда, 1895 г.

Музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, Москва

ленно повела на окно, из которого смотрели офицер и старик, глаза эти смеялись.

— Экие глаза! — сказал офицер. — Ты такую-то душеньку мне укажешь?..

— Нет, отец мой! — отвечал старик, — это что. Я тебе такую красавицу покажу, что ни у одного князя такой нет^{52*}. В серебре ходит, вот какая. А эту нельзя. Ведь тоже офицерша; ее вот замуж за казака отдадут...

Отперев плетеную клеть, в которой стояли бочки, девка подошла к одной и хотела поворотить.

— Что застал-то^{53*}, дьявол! — крикнула она вдруг на Петрова. — Ты подсоби лучше бочку повернуть!

Но прежде чем Петров подошел к ней, она подперла сильным плечом бочку и, порывисто напрягшись всем телом, повернула ее.

—^{54*} Мамуке отдай деньги, — сказала она, нацедив две бутылки.

— Ишь, молодец девка! — подумал Петров. — Отчего вы такие сердитые, миленькие? — сказал он.

Девка засмеялась.

— А вы разве добрые? — сказала она. — Ты мирской?

— Мы в настоящем законе живем, и царь закону нашего, — отвечал Петров.

— А барин-то твой в законе тоже стало? — спросила девка, остановившись на пороге.

^{52*} Далее начато: Да и эта офицерша

^{53*} Застал-то написано по другому слову, не поддающемуся прочтению.

^{54*} Зачеркнуто: Деньги

КАЗАК, 1860 г.

Фототипия из альбома «Кавказские походы»
рисунки Т. Горшельдта, 1895 г.Музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, Москва

— Господин мой такой человек, что его генерал всякий — не только... царь может быть знает... — гордо сказал Петров.

— Чтоб ему пусто было! Иди! — закричала девка и снова с молитвой заперла дверь.

Выходя на улицу, Марьяна встретила отца, возвращавшегося с Терекa. Старик хорунжий нес ^{55*} за плечами сеть, сквозь которую виднелось несколько рыб. Затасканная шапчонка его была сбита назад, загорелый лоб в поту, сквозь распахнутый воротник рубашки виднелась грудь, поросшая седыми волосами; сильные жилистые ноги были обнажены выше колена. На лице его была усталость и строгость. (Порównявшись с ним, девка почтительно опустила голову и уменьшила шаг.

— Мать дома? — спросил отец.

— Дома, хату убирает.

— Аль солдат поставили?

— Начальника у нас поставили.

— Ишь черти! прости господи, — только сказал хорунжий и прошел в свои ворота.

Девка ^{56*} пошла направо по улице. На углу переулкa сидели на завалянке две казачки ^{57*}, так же как и она обвязанные платками.

Подойдя к ним, Марьяна присела, также достала из-за пазухи семечки и стала щелкать их ^{58*}.

^{55*} Первоначально: был

^{56*} Далее начато: дошла до угла

^{57*} Первоначально: ее подруги

^{58*} Далее начато: а. Девка и баба; б. Убр

— Убрали коров-то, мамука? — обратилась она к бабе, кормившей своего ребенка.

— Подоили, — отвечала баба, отстегивая шире бешмет и нагибааясь над ребенком. — Дай семячек, Марьянушка.

— К вам, слышь, офицера постановили, — прощицала ^{59*} другая девка, сидевшая подле бабы, — а к нашим трех чертей поставить в хату хотели, да дедука в станично ходил, — двух оставили.

— Табачищем закурили небось? — спросила Марьяна.

— ^{60*} Да кури на дворе, коли хочешь, а в хату не пустим. У нас и своей семье ^{61*} простору нет.

— Известно, дело хорошее, у кого другая хата, как у вас, есть, — сказала баба Марьяне.

Так разговаривали казачки, сидя на перекрестке и поплеывая шелуху семечек на пыльную дорогу. Кое-кто из девок присоединился еще к собравшемуся кружку ^{62*}, несколько парней, шутя и смеясь, остановились против них. Две старухи, убрав скотину, вышли тоже.

— И матушки, матушки! — говорила одна, охая и стеля, — каки времена пришли, слыхано ли дело, целу орду чертей в станицу пригнали. Что будем делать-то.

Другая старуха только поддакивала и стонала.

— А вот в поход пойдем, так они вами, бабами да девками, совсем завладают, — сказал один шутник парень.

— Что брешешь, сволочь, — сказала одна из молодых баб, — постоят да уйдут, не на век же пришли. Чем вздор-то брехать, песни бы пели. Вишь вас собралось куча, а ничего не играете. Экий народ стал.

Одна девка запела тонким голосом песню, другая стала вторить, один из казаков подсел ближе и подводил мужской голос, остальные слушали, изредка негромко перекидываясь словами.

^{63*} Мерный топот шагов послышался на конце улицы, и из-за угла показались три солдата в шинелях, с ружьями на плечо, в ногу шедшие на смену к ротному ящику. Ефрейтор, старый солдат, усач и кавалер, молча шел впереди и, сердито глянув на кучку казаков, провел солдат так, что парни, стоявшие на дороге, должны были посторониться. Один только из них, молодой урядник, не двинулся с места и насмешливо посмотрел на солдат.

— Обойди! Люди стоят! — проговорил он.

Девки и бабы звонко засмеялись. Солдаты молча прошли дальше, ровно отбивая шаг по твердой дороге.

Песня прекратилась.

— Эка нарядные ребята! — сказал урядник. — Это к вам, нянюка, пошли, — обратился он к Марьяне.

— Под часами, девка, спать будешь, не украдешься! — проговорила баба.

— А что начальник-то ихний, что у вас стоит ^{64*}, — спросил урядник, — имеет ли благородство в своей наружности? (Урядник был из молодых грамотных казаков).

— А я разве видала? — отвечала Марьяна, — за чихирем ему ходила, сидит черт какой-то у окна с дядей Ерошкой, такой же как он дьявол.

— Деньги платил за чихирь-то?

— А то нет.

^{59*} Далее было: девка

^{60*} Начато: В хату не пу<стим>

^{61*} Далее начато: то не

^{62*} Далее было: старуха подошла

^{63*} Начато: а. Вдру<г>; б. Все было совершенно тихо в ста<нице>

^{64*} Далее было: имеет

— Как же, как замуж пойдешь, — снова сказал урядник, — ведь Терешку к себе в дом примаете. Как же хату-то от его благородия опростаете?

— Как хочет батюшка, так и делает, — сказала Марьяна.

— И ^{65*} охота тебе за Терешку идти, — сказал урядник. — Красавица такая — и так за ни что замуж идешь.

— А то с тобой связаться! — сказала Марьяна.

— Худа бы не видала, — отвечал урядник. — Дай семячек, девка! — прибавил он.

— Все не бери, — сказала Марьяна, отворачивая ворот рубахи.

— Право слово, глупо делаешь, что замуж идешь, — сказал урядник, доставая у ней из-за пазухи горсть семян. — Тебе ли да на девичьей воле не жить! Кажется, по всему полку другой красавицы такой нету.

Девки снова запели песню. Урядник подсел к Марьяне и что-то шептал ей.

— Ну те к черту, смола! ^{66*} У тебя жена есть! ^{67*} — вдруг закричала девка и со всего размаху кулаком ударила по спине урядника. Урядник засмеялся и отошел к другим девкам.

Было уже совсем темно, на небе зажглись звезды, в дворах курились кизяки, разложенные для скотины, на дворах везде было тихо, только на углу слышались песни и изредка звонкие голоса и смех собравшихся казаков.

II

Публикуются две ранних редакции первого письма Ржавского — его рассказ об охоте в одиночестве (по автографам 11 и 13). Возникновение первой редакции — <А> — относится к марту 1858 г. Воспроизводится начало сохранившегося фрагмента. Продолжение его со слов: «Я пошел на удачу...» напечатано А. Е. Грузинским (т. 6, с. 190—193).

Возникновение второй редакции — <Б> — относится к осени того же 1858 г. В окончательном тексте «Казаков» охота Оленина — глава XX повести — изображена от третьего лица. В этот текст перешли лишь некоторые детали из публикуемой редакции (т. 6, с. 78—79).

<ОХОТА РЖАВСКОГО>

<А>

...Дома нет. Одно дерево осталось. Он сел и заплакал. Ай дай да ла лай. И этот печальный завывающий припев повторяется бесконечное число раз. Допевая последний припев, Ерошка захватил мое ружье и вышел <?> на крыльцо, и выстрелил из обоих стволов вверх и опять еще печальнее: Ай дай да ла лай. Ай дай да ла лалай.

Мы до вторых петухов просидели с стариком, и мне жалко было, что он уходит.

Расскажу тебе нынешний день. Ты лучше поймешь ^{68*} мою жизнь. Нынче я встал в 8, денек был серенький, тихий сморозцем. Я взял ружье, подпоясал кинжал, свистнул Бугая (это полуцетер, которого я достал здесь) и пошел на охоту. Ерошка не хотел идти со мной, он с утра уж был пьян ^{69*}. Когда я зашел к нему, у него сидели гости, кунаки. чеченцы из-за реки, которых он угащивал, и о чем-то очень важно бесе

^{65*} Далее начато: что

^{66*} Далее было: вдруг закричала она

^{67*} Далее было: и девка

^{68*} Далее было: прелесть

^{69*} Далее начато: и что т

довал с ними. — Вот ты все бранишь, что я гуляю, — сказал он мне, — ведь для тебя, отец мой, вот чертей этих напою, они нас сводят на охоту за рекой. Ведь это первые молодцы. — Молодцы улыбались, глядя на меня. Ерошка что-то им сказал по-татарски. Один из них подал мне руку: кунак, кунак. — Ерошка хотел уж и меня угаживать водкой, но денек был хорош, я перелез через его забор и вышел в поле. Ты не охотник, поэтому не можешь себе представить того ни с чем не сравнимого наслаждения, которое испытываешь, проводя целый день один на охоте в таком лесу, как кавказский.

Я взял с собою в мешочек крыло жареной фазанки и хлеба, взял папирос и с 8 часов утра и до 6 вечера ^{70*} ходил не переставая и не трогал ни закуски, ни папирос. Ежели бы мысли и воспоминания и лежали бы в голове так, как папиросы в мешке, то, посмотрев в голову, увидели бы тоже, что и мысль ни одна не тронулась в продолжение этих 10 часов. В этом-то самозабвении и высшее бессознательное наслаждение охоты. Лес гол, прозрачен, пестр и звучно пустынен. Только твои шаги слышны по дороге, — остановишься, — только свое дыхание слышишь. Кое-где в чаще зашуршит ^{71*} птица, ты взглядишься — и сквозь засохшие плети между красными ягодами калины видишь, вытянув шею, торопливо бежит красный фазан; лист упадет, обломится ветка или трется камышинка об камышинку. Выдешь на полянку, откроется небо из-за кудрявых ветвей чинары и запахнет водой, дикой сыростью ^{72*}. Ты оглядываешься, приостанавливаешься, чутким ухом слушаешь и все ждешь — вот-вот залает собака, захрустит по веткам ^{73*}. Иногда дятел, вспрыгнув близко на ветке, обманет тебя, и ты примешь этот стук за топот; иногда неизвестно отчего хрустнет одна ветка в середине леса, и ты ждешь, ждешь, и даже стук своего сердца принимаешь за топот зверя. Через дорогу перескочитмышь, а тебе кажется, что это далеко большой странный зверь вскочил в лес. И все ждешь, все надеешься, — и не замечаешь, как подвигаешься вперед, как солнце, как белое яблоко, уже скрывается за лесом. В голове в это время бродит бог знает что, но не мысли и не воспоминания, а так кусочки того и другого. Опомнишься и видишь себя отчего-то? казакom, работающим в садах с казачкой-женою, или застанешь себя в горах за Тереком беглым абреком, или зубами раздираешь оленя.

Опасности собственно большой нет здесь, по сю сторону Терека, но бывают случаи, что забираются абреки и ловят нашего брата — русского ^{74*}. И как им не жить в этом лесу, где продрасть нельзя осенью сквозь чащу, где только олени да охотники проторили дорожки. Эта маленькая опасность как-то еще больше раздражает чувство восприимчивости. Еще посмотрим, кто кого — думаешь себе. Вчера я убил 8 фазанов и хотел ^{75*} идти домой. Но тут только хватился, что решительно не знаю, где станица. Кроме однообразного и нового для меня леса ничего не было видно и ничего не слышно, кроме ветра, который поднялся к вечеру ^{76*}. Собака моя убежала куда-то. И дорожки даже не было, по которой бы я мог выйти

^{70*} Далее начато: я не

^{71*} Первоначально: упадет

^{72*} Далее было: Все ждешь

^{73*} Далее было: Вместе чувство опасности

^{74*} Далее начато: а. Но это; б. От этого

^{75*} Первоначально: решил

^{76*} Первоначально текст: И как им не жить — поднялся к вечеру читался так:

И как им не жить в этом лесу, где продрасть нельзя осенью сквзанов. Яу, где только олени да охотники проторили дорожки. Вчера я убил зайца и 8 фазанов. Оз чаше не устал и хотел ходить еще, но мой Бугай [так подобрался, такой вдруг получил печальный вид от усталости и так] уж ходил за мной, что я [хватился] решил идти домой. Станичных звуков, лаю и говора, давно слышно не было и ничего не слышно кроме ветра в сухих ветках.

куда-нибудь. Заблудиться в здешнем лесу трудно, потому что он не шире 2-х верст, непременно выйдешь или к дороге между станицами или на Терек; но мне бы не хотелось попасть в противоположную сторону и пройти без охоты лишних несколько верст. На охоте 20 верст нипочем, а возвращаясь домой каждая лишняя сажень мучает.

〈На полях:〉

[Видишь красивый луг и думаешь: никто его не видал, а он растет]
[За убитой фазанкой зашел в чащу]
[Александра Македонск(ого)]
[Как убил фазанов 〈в〉 канаве]
[Сел и думал о бессознательности — фазаны разбудили]

〈Б〉

Нынче я встал в 5 часов, убрал свою лошадь, без седла сел на нее и поехал купаться. Вернувшись, напился чаю, взял ружье, свистнул собаку, подпоясал кинжал и пошел к Ерошке, с которым я уговаривался идти на охоту. Я проходил целый день и не видал, как прошло время. Я обыкновенно беру с собой в мешочек папирос, хлеба и кусочек жареной фазанки, но обыкновенно, и нынче тоже, возвращаюсь домой с нетронутым мешочком. Ежели бы мысли в голове лежали, как папирсы в мешке, то можно бы было видеть, что и они также в продолжение целого дня не были тронуты. Ты охотник и потому можешь себе представить то наслаждение, которое испытываешь, проводя целый день в таком лесу, как казакский. Не воспоминания, а отрывки того и другого; опомнишься и застаешь себя отчего-то казаком, работающим в садах с^{77*} с казачкой-женой, или вдруг абреком в горах; или кабаном, убегающим от меня же. День был тихий и жаркий; но в лесу было^{78*} еще сыро от росы и хорошо, ежели бы не мириады комаров, буквально облепляющих тебе лицо, спину и руки. Сначала я думал, что здесь невозможно охотиться летом от этих насекомых, но теперь так привык к ним, что почти не замечаю их; даже мне кажется, что ежели бы не было^{79*} этой окружающей тебя комариной атмосферы, этого комариного теста, который 〈!〉, проводя рукой, размазываешь по лицу, и этого беспокойного зудя по всему телу, здешний лес потерял бы свой характер. Эти мириады насекомых идут к этой до безобразия богатой растительности. Избыток силы, девственность этого нетронутого, непроходимого^{80*} леса, в котором только звери и птицы проложили свои тропы, странно действуют на душу. Свободнее, сильнее чувствуешь себя и хочется той же полноты и роскоши, которыми дышат эти перевитые снизу и сверху старые раскидистые деревья. Ходить можно только по^{81*} слабо проторенным арбами дорожкам, по которым ездят на кордоны и за дровами^{82*}. Между заросшими колеями по грязи или песку беспрестанно попадают раздвоенные звериные следы и кое-где с дорожек в лес идут пробитые между камышом, ежевичником и тернами звериные тропы. И беспрестанно^{83*} по росистой траве между ежевичником виднеются темно-зеленые фазаньи дорожки^{84*}.

77* Далее начато: а. чеченцем; б. абреком

78* Далее начато: хорошо

79* Далее начато: в лесу

80* Первоначально: девственного

81* Далее начато: дорожкам

82* Далее начато: а. Справа и слева идут непроницаемые сте(ны); б. По за-
ро(сшим)

83* Далее начато: а. под тернами виднеются сухие пле(?); б. по густой траве между

84* Первоначально: пробитые тропы

Только что я вышел из станицы, как собака моя, треща по тернам, уж стала спугивать фазанов ^{85*}, раза два я выстрелил в чащу, как только слышал в чаще тордоканье и треск крыльев. С полверсты от станицы есть ^{86*} моя любимая знакомая полянка, на которой я всегда нахожу фазанов и куда я пробирался. На полянке я нашел два выводка и убил трех, но еще было рано и погода отличная, я пустил пульку в один ствол на всякий случай и пошел дальше, почти без всякой цели, но с надеждой открыть новые места и может быть наткнуться на зверя. Пулька нужна кроме того и на случай встречи с абреком, которая здесь возможна особенно в эту пору года, когда лес одет и так част, что почти невозможно пролезть через него. Эта маленькая опасность ^{87*} еще увеличивает удовольствие. Как-то приятно чувствовать, что только сам на себя надеешься; не то что жутко, но приятно думать, что другому могло бы быть жутко на моем месте. Еще кто кого, посмотрим, — думаешь себе, подвигаясь все вперед ^{88*}, перехватывая ружье и ощупывая взводы. Идешь, прислушиваясь к своим шагам, к треску собаки и ко всем звукам леса. Вдруг покажется, что где-то в лесу затрещали терны, зашуршало что-то или замахались листья и хватаешься за взводы, стараешься сквозь перевитую зелень рассмотреть середину леса. Иногда и стук своего сердца принимаешь за топот зверя. Иногда через дорогу пролетит птица, тебе кажется, что это зверь пробежал в чащу, и торопишься, бежишь вперед и все ждешь, все надеешься. А иногда оглянешься кругом себя и видишь новое красивое место, какой-нибудь перевитый извилистый сук кудрявой груши ^{89*} зелено и живописно блестящий на солнце, и думаешь: никто никогда прежде меня не видал и не любовался этим местом, а оно все так же живописно зелено, доставляет удовольствие. Вчера я убил четвертую фазанку на самом краю дорожки, там, где я вовсе не ожидал. Собака выгнала ее из чащи, я ударил ее в то время, как она летела через дорогу. Она взвилась высоко-высоко колом кверху и, как камень, головой вниз упала в чащу на другую сторону дороги, цепляясь за терны и виноградник. Я полез за ней и нашел ее между калиновыми и терновыми кустами, в такой чаще, в которой стоять не было никакой возможности. Я присел в тени. Продираясь туда, я устал, пот лил с меня градом, а здесь было так прохладно уютно, под куполом обросшей виноградом калины. Я сел на траву и закурил папиросу. Надо мной висели темно-зеленые плети, перемешанные с листьями, под собой я мял такие кудрявые ветви ежевики, что жалко было. Тут было отлично, я вдруг почувствовал себя счастливым, — счастливым той мыслью, что здесь, в этом месте, где, может, не была никогда нога человека, сижу я, именно я, и думаю такие вещи, которых никто никогда нигде не думал, а уж тем более на этом месте. И знают ли эти деревья, этот лес, эти фазаны, копошащиеся около меня, и шакалы, чующие меня тут, чувствуют ли они, что это я ^{90*}. Правду говорит Ерошка, что человек глуп, глупее свиньи, глуп, потому что не смеет того, чего хочет. Ежели бы я сказал тебе то, о чем я думал, ты бы еще раз назвал меня сумасшедшим, но чем же глупее желать быть деревом, чем желать быть губернатором. Я желал быть деревом, всем существом моим, теперь я этого не желаю; но отнюдь не знаю, правее ли я теперь, чем был тогда. Тогда я был правее, потому что был счастливее. Вот тебе образчик охотничьих мыслей; но не в том дело. На этом месте со мной случилось ужасное собы-

^{85*} Далее начато: но зде(сь)

^{86*} Далее начато: полян

^{87*} Далее было: по-моему, более

^{88*} Далее было: прислушиваясь к своим шагам и ко всем звукам леса и

^{89*} Далее начато: так

^{90*} Далее было: и что я думаю и чувствую. Потом мне пришла мысль, что Ерошка прав, говоря, что человек глуп, глупее свиньи. Человек глуп тем, что не смеет того, чего хочет. Отчего я юнкер? отчего я...

тие, о котором и теперь не могу вспомнить без содрогания и отчаянного раскаяния. Я встал и, проходя через низок, заметил по грязи песку большой свежий олений след. Я пошел по следу, он вывел на тропу. Не прошел я 30 шагов, как услышал вдруг лай моей собаки. Чем бы мне бежать на этот лай, я остановился, прислушиваясь. Вдруг страшный треск раздался по лесу в той стороне дорожки. Я выскочил на дорожку. В 10 шагах от меня треск все быстро усиливался и приближался к дорожке. Я замер. В 10 шагах от меня с быстротой, которой не помню уж как, но с быстротой непонятной для меня мелькнула над крайним кустом серая грудь, поджатые под нее ноги и рога на спине. Большие черные глаза испуганно блеснули на меня, и, перелетев через дорогу, одним прыжком олень



КАЗАЧИЙ ПОСТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Рисунок А. П. Дьяконова, 1840-е гг.

Русский музей, Ленинград

скрылся по другую сторону дороги. Я жал гашетку спущенного курка. В то время, как я видел его, треску не было слышно; но скрывшись от глаз, снова страшно загудело по лесу и все шире и шире разносился гул по тихому лесу, дальше и дальше от меня колебались ^{91*} сучья дерев. Я бросил ружье на землю ^{92*}, я проклинал себя, я говорил вслух, кажется даже, что я плакал. Через несколько секунд моя собака носом по траве с лаем проскочила по следу оленю и скрылась по дорожке, проложенной им в чаще. Надежды никакой не могло быть снова найти этого оленя; но я пошел по его следу и долго, как убитый, ходил по чаще, приглядываясь к притоптанной траве и поломанным сучьям. След вывел меня снова на полянку, я остановился и оглянулся, солнце уж спустилось к горам, становилось прохладно и кругом, кроме незнакомого высокого леса, ничего не было видно. Я прислушался, звуков никаких не было. кроме шелухания ветра в вершинах. Я стал кликать собаку, и мне показалось, что голос мой пустынно звучит в высоком лесе. Собака не ворочалась ^{93*}, я сообразился по солнцу и стал отыскивать дорожку, которая бы вывела

^{91*} Далее было: вершины^{92*} Далее было: и^{93*} Далее начато: я перек

меня к станице. Заблудиться в этом лесу трудно, потому что он нигде не шире двух верст и, идя на юг или на север, непременно выйдешь или к дороге между станциями или на Терек, но кроме того, что ночью в лесу довольно опасно, мне бы не хотелось ^{94*} попасть в противоположную сторону и ночью без охоты пройти лишних несколько верст. На охоте 20 верст ничего не значат, но возвращаясь^{сь} домой каждая лишняя сажень мучает.

III

Описание вечеринки у Дампиони в публикуемом фрагменте, написанном осенью 1858 г., значительно полнее, чем в первом варианте, напечатанном А. Е. Грузинским (т. 6, с. 197—198). Здесь изображается начало сближения Ржавского с Марьяной. Второй вариант сцены вечеринки, развернутый еще более в следующей редакции романа (автограф 24), приближается уже к окончательному тексту «Казак» в гл. XXIV—XXV (т. 6, с. 96—100).

«ВЕЧЕРИНКА У ДАМПИОНИ»

Здесь в первый раз я увидел лицо Марьяны. До сих пор я видел ее до самых глаз обвязанную платком ^{95*}. Не даром она считается первой красавицей в станице, она была бы очень хороша, ежели бы не слишком мужественные, почти грубые черты лица. Особенно хороши ее темно ^{96*} черные глаза на ярких белках и окруженные коричневой тенью и губы немного толстые, вывороченные, но удивительно приятные. Сложена она, как богиня, может быть, слишком сильно и широко, по нашим понятиям о женской красоте. Но она и велика ростом и веет ^{97*} от нее такой девственной силой и избытком здоровья ^{98*}, — которых девать некуда. Одним словом, красавица в простонародном смысле этого слова, т. е. женщина, твердо уверенная в своей красоте, женщина, пренебрегающая кокетством, женщина отмеченная печатью счастья и власти. Женщина-царица ^{99*}.

Устинька, душенька Дампиони, тоже хороша ^{100*}; но она хорошенькая, а не красавица. Маленькая, полненькая, с веселыми карими глазами, с вечной улыбкой на красных губках ^{101*} и вечно болтающая, смеющаяся ^{102*}, так и высказывается — затейница, коновод-девка. Вроде, тут все женщины хороши. Тут были еще две девки — обе прелесть. Мне было страшно неловко на этом бале, я мялся, придумывал, что бы сказать, и чувствовал, что, внушая любопытство, может быть, вызывая насмешку и сообщая другим свою застенчивость. Мне казалось, что и девкам было неловко. Один Дампиони поддерживал декорум нашего бала. Он не переставая болтал, заставлял девок подносить чихирь, возился с ними и все по-французски обращался ко мне ^{103*}, чтобы я ^{104*} был смелей. Ты знаешь, что я не люблю, не понимаю такого рода отношений с женщинами и просто не могу...

^{94*} Далее начато: пройти неск(олько) верст>

^{95*} Первоначально: Только здесь в первый раз я увидел лицо Марьяны. Она чрезвычайно хороша. До сих пор я видал [ее] только ее глаза и фигуру. Каждый день утром, когда я за чаем сижу у себя на крылечке, я по целым часам>

^{96*} Первоначально: ярки(е)

^{97*} Далее начато: такой силы

^{98*} Далее начато: что

^{99*} Первоначально: женщина с печатью [влас] счастья и власти

^{100*} Первоначально: тоже оче(нь)

^{101*} Далее начато: она

^{102*} Далее начато: затейница

^{103*} Далее начато: Ты знаешь

^{104*} Далее начато: вме(сте)

Дампиони выдумал, что Устинька имянинница должна подносить с поцелуем. Она согласилась только с тем уговором, чтобы ей клали на тарелку, как это делается на казачьих свадьбах.

— И черт меня занес в эту отвратительную пирушку, — думал я и попробовал уйти; но Дампиони не пустил; притом тут надо было платить. Оставалось одно средство ^{105*} подделаться под них. Я выпил три стакана чихиря и старался делать *bonne mine à mauvais jeu* ^{106*}. Поцеловавшись с хорошенькой Устинькой, я нашел, что, ежели бы я мог отделаться от своей застенчивости, я бы нашел большое удовольствие в такого рода увеселениях.

— Вот, девки, загуляем, — сказала Устинька, встряхивая на тарелке четыре монета, которые мы ей положили туда.

— Ну теперь ты, Марьяна, поднеси, — сказал Дампиони, схватывая ее за руку.

— Да я тебе так поцелую, — сказала она улыбаясь.

— Дедушку так поцеловать можно, — подхватили смеясь другие девки. (Они Дампиони зовут дедушкой.)

— Нет, ты поднеси, — настаивал Дампиони, — постояльцу поднеси, — и, взяв ее за руки, он привел ее и посадил со мной рядом на лавку.

— Какова красавица!? — сказал он, поворачивая ее голову от меня в профиль. М^арьяна не отбивалась, а, улыбаясь, повела на меня своими черными глазами. Не знаю, откуда и у меня взялась храбрость, я подвинулся к ней и хотел поцеловать ее. Она вдруг вырвалась от Дампиони, столкнула его с ног и, смеясь, отскочила к столу ^{107*}. Дампиони, очень довольный, что втянул меня ^{108*}, схватил всех девок за руки и, выбежав с ними в сени, запер дверь.

— Отчего ж ты Дампиони поцеловала, а меня не хочешь? — спросил я.

— А так, не хочу и все, — отвечала она, вздергивая нижней губой и бровью. — Он дедушка, — прибавила она, улыбаясь. Она вышла к двери и стала стучать в нее.

— Что заперлись, черти!

— Что ж, пускай они там, а мы здесь, — сказал я ^{109*}, приближаясь к ней. Она нахмурилась и строго величаво отвела меня рукой.

— Ну, ну!

Я вдруг опомнился, и мне стало стыдно за то, что я делаю, я тоже подошел к двери и стал дергать ее.

— Пустите, Дампиони, что за шутки!

Марьяна опять засмеялась своим блестящим счастливым смехом.

— Аль боишься меня? — сказала она.

— Да ведь ты такая же сердитая, как мать.

— А ты бы больше с Ерошкой сидел, так тебя девки за это любить стали... — и она улыбалась, глядя мне прямо в глаза ^{110*}... Я не знал, что говорить.

— А ежели бы я к вам ходил?.. — сказал я.

— Другое бы было, — добавила она.

В это время Дампиони, толкнув, отворил дверь, и Марьяна отскочила на меня, так что сильная нога ее ударилась о мою ногу. Я схватил ее и поцеловал в щеку.

Мне стоило бы только немного дать себе поводья, чтобы влюбиться в эту казачку. Непрístupная стена, разделявшая нас прежде, уничтожена. Я разговаривал с нею и раза два был у хозяев.

^{105*} Далее было: попытаться стать с ними на одну <ногу>

^{106*} веселое лицо при плохой игре (франц.).

^{107*} Далее начато: Я под

^{108*} Далее начато: а. в [во]; б. отошел <?>

^{109*} Далее начато: подх<одя>

^{110*} Далее начато: А ежел<и>

IV

Публикуемая редакция третьего письма Ржавского (автограф 16) написана осенью 1858 г. Первая редакция этого письма, называвшегося тогда «вторым письмом», напечатана нами (под псевдонимом: С. Павловский) в т. 35-36 «Литературного наследства». В окончательном тексте «Казак» публикуемый материал частично отразился в гл. XXXIII (т. 6, с. 120—124).

Дальнейшая развязка мыслилась Толстым по концовке «второго письма» из первой редакции («Тревога»). Эта концовка — тревога, схватка в бурунах, рана Кирки, решающее свидание офицера с Марьяной — впоследствии в развернутом виде вошла в главы XI—XII повести «Казак» (т. 6, с. 140—146).

[ПИСЬМО]

Я давно не писал тебе, потому что не мог писать. Со мной случилось необыкновенное и до сих пор продолжается и надеюсь продолжится на всю жизнь; но я уже привык к своему положению и попробую дать себе отчет в нем. Я влюблен. Нет, я не влюблен. Я люблю, я счастлив; но все это не то, что я хочу сказать. Прежде был я и передо мной весь мир божий — с своими красотами, радостями, печалью и со всем разнообразием жизни; теперь ничего нет, есть одна женщина, и эта женщина казачка Марьяна.

Ты предполагал, что кончится тем, что я влюблюсь в казачку и со всем погибну; ты угадал: но угадал совсем не то, что случилось. Ты с презрением отзываешься о любви к простой женщине, к дереву, но ты не понимаешь, что это такое. Это не пошлое волокитство, это не желание удовольствия, это страсть, любовь, истинная любовь, с полным самозабвением, с полной отдачей себя тому, что любишь. Прежде, когда еще это только начиналось, я часто спрашивал себя: как же любить женщину за одну красоту, женщину, которая меня понять не может, любить женщину-статую. Теперь это случилось, и я не понимаю, как можно любить другую женщину, как можно искать в женщине что-нибудь, кроме красоты. Любить одну красоту? Но ведь живую красоту, живую женщину, олицетворяющую для меня всю природу. Как это случилось, я сам не знаю. После вечеринки, о которой я писал тебе, вдруг я почувствовал скуку на охоте, в разговорах с Ерошкой, почувствовал тоску в одиночестве и одно желание постоянно видеть ее. Когда из своего окна или с своего крыльца я видел или слышал ее, я был счастлив и доволен; когда ее не видно было, я мучался. Ночи я не спал и без всякой цели проводил под ее окнами. 18 числа наша рота ходила в набег. Я три дня провел вне станицы. Мне было грустно, но я не отдавал себе причины в этой грусти, но вернувшись домой и увидав свою хату и ее фигуру и глаза, меня обхватила такая радость, что я все понял. Я люблю, страстно люблю ее. Как скоро я признался себе в этом, моя мучительная застенчивость исчезла. Я не унижаю ее своей любовью, я сам готов унизиться перед ней, только чтобы она позволила мне любить себя. Как-то само собой делалось то, что прежде для меня казалось совершенно невозможно. Я везде встречал ее, я стал ходить в хороводы, на работы, к ее отцу, я делал гадости, я с подарками подсылал к ней Петрова и старика Ерошку. Я говорил ей о своей любви такими словами, которые мне стыдно вспомнить. Совесть вспомнить, потому что я не должен был сметь говорить ей этого. Странно сказать, я боюсь ее еще больше, чем люблю. Как бы то ни было, но между нами установились отношения. Я каждый день с притворной улыбкой на губах и с мукой страсти и желаний в сердце шуточно заговаривал с ней, покупал ей пряников, посылал ей в подарки платочки по полтиннику. Она на все это отвечала всегда одинаково спокойно-гордо и весело-равнодушно. Каждое ее слово, каждый взгляд, каждое

[illegible]

~~Скандинавия~~
~~и споры~~

Benches are on
each side of the
main road and
are used

Черновой автограф повести «Казани», 1858 г.
Третье письмо Рязанского (начало)
Архив Толстого, Москва

движение выражали это равнодушие, не презрительное, а давящее и чарующее. Может быть точно, что я люблю природу, люблю олицетворение всего прекрасного природы; но от этого мне все-таки не легче. Я люблю ее всеми силами души. И сам не знаю, чего хочу и желаю? Часто в нелепых мечтах я воображал ^{111*} ее своей любовницей, женой, и с отвращением отталкивал эту мысль. Сделать ее барыней, как одну из здешних казачек, на которой женился наш офицер, — это было бы ужасно. Она бы умерла для меня. Вот, ежели бы сам мог сделаться казаком, забыть все, что я знаю, красть табуны, напиваться чихирю, ходить в походы, босому бегать по росе, заливаясь песней без мысли о том, кто я? и зачем я? ^{112*} Тогда бы другое дело, тогда бы мы смогли понять друг друга; но это счастье не дано мне. Я пробовал отдаваться весь этой жизни и еще сильнее чувствовал свою слабость, изломанность. Я не мог забыть себя и своего сложного, негармонического, уродливого прошедшего. И мое будущее представляется мне еще безнадежнее. Нет, не для меня это единственно возможное на свете счастье, не для меня эта счастливая, гордая и спокойная женщина! Самое ужасное в моем положении именно то, что я чувствую, что она никогда не поймет меня. Она не поймет не потому, что она ниже меня; напротив, она не должна понимать меня. Она счастлива, она, как природа, ровна, спокойна и сама в себе, а я, исковерканное слабое существо, хочу, чтобы она поняла мои уродства и мученья. Нет, я хочу, хоть на миг, слиться с нею, чтобы хоть на миг быть причастным ее ровной радостной жизни, и за это счастье готов отдать все в мире. Это не идеальная, возвышенная любовь к Леиле, которую я испытывал прежде и называл любовью. Это не тоненькое личное чувство влечения, во время которого любуешься на свое чувство и сам чувствуешь себя причиной своего чувства. Я испытывал это чувство, в котором все делаешь сам. Теперь не я, не она, я не имею своей воли, а через меня любит ее какая-то стихийная сила, весь мир божий, вся природа любовь эту вдавливают в мою душу. Я чувствую себя нераздельной частью всего целого и люблю ^{113*} не умом, не воображением, а всем, всем существом моим. Я тебе писал о новых ^{114*} убеждениях, которые я вынес из своей одинокой жизни. Но ты не можешь знать, каким трудом выработались они во мне, с какой радостью сознал я их и с радостью увидал новый открытый путь в жизни. Дороже этих убеждений ничего мне не было.

...Ну... их нет теперь, нет и сожаленья о них. Даже понять, что я мог дорожить такой односторонней холодной умственной деятельностью, для меня трудно. Пришла красота — и в прах рассеяла всю египетскую жизненную внутреннюю работу. И сожаленья нет о исчезнувшем.

Да, мой друг, то все наше, одна любовь богова. И кто раз заглянул в этот мир, тот счастлив и велик! Ради бога, перестань мне писать такие письма, как последнее. Считаю меня сумасшедшим, но подделывайся под мое сумасшествие. «Он совсем погубит себя в этой глуши. Загрубеет. Еще, избави бог, женится на казачке, которая не поймет его никогда». Пойми ты одно, или ^{115*} поверь одному: мгновенья счастья с этой женщиной! — и в прах разлетается все, что вы говорите и думаете, все на свете ваши желанья счастья и за меня и за себя. Жениться! ^{116*} Счастье — это быть с ней, это видеть ее, говорить с ней. И каждый вечер я счастлив. Часов в 6, как смеркается, я иду к хозяевам. Они уже привыкли ко мне. Мне приносят чай, я сажусь в угол к печи, старуха и старик, не стес-

^{111*} Первоначально: пред(ставлял)

^{112*} Далее начато: Но мне

^{113*} Далее начато: всем

^{114*} Далее начато: хри(стианских)

^{115*} Далее начато: как

^{116*} Далее было: Да это

няясь, делают свое дело, и мы беседуем за чаем и за чихирем о казачьих делах, о соседях, о России, про которую я рассказываю; а она, как дикая коза, поджав ноги, сидит на печи или в темном углу и хотя не принимает участия в разговоре, я вижу ее глаза, лицо и слышу ее движения, пощелкивание семечек и чувствую, что она слушает. Иногда мне покажется, что глаза ее устремлены на меня^{117*}, я встречаюсь с их блеском и, невольно замолкая, смотрю на нее. Тогда она сейчас же спрячется, и снова я, притворяясь очень занятым разговором с старухой, прислушиваюсь к ее дыханию, ко всем ее движениям и дожидаясь ее взгляда. При других она большей частью со мной весела и ласкова, наедине дика и груба своей обворожительной грубостью. Иногда я приду, она еще не возвращалась с улицы, и вдруг слышатся ее сильные шаги и мелькнет в отворенной двери ее голубая рубаха, она^{118*} выйдет на середину хаты, и, увидав меня, ласково чуть заметно улыбнется ее глаза, и такая радость обхватит и станет вдруг весело и страшно. Мне все кажется, что она насквозь понимает, знает и презирает меня.

Нынче вечером я пришел поздно. Старуха сидела на лавке и сучила коконы, она в одной сорочке с непокрытыми волосами шила у свечи. Увидав меня, она вскочила, взяла платок и полезла на печь.

— Что ж, посиди с нами, Марьянушка, — сказала мать.

— Не... глаза устали, — и она вскочила на печь. Я видел ее колено и стройную сильную ногу.

— Что это Кирки давно не видать, — сказал я.

Марьяна зашевелилась наверху.

Я угаживал старуху чаем, она угостила меня каймаком, за которым послала Марьяну. Но поставив тарелку на стол, она опять^{119*} вскочила на печь, и я чувствовал только ее глаза. Мы разговорились о их хозяйстве, Гавриловна расходилась и^{120*} вошла в восторг гостеприимства, она принесла мне моченого винограда, лучшего вина, лепешку с виноградом и с тем особенным простонародным грубым и гордым гостеприимством принялась угаживать меня. Старуха, которая сначала так поразила меня своей грубостью, теперь часто трогает меня своей простой, грубой нежностью.

— Да что бога гневить, батюшка, все у нас есть, слава богу, и чихирю нажали, и насолили, и продадим бочки три, и пить останется, гулять с тобой будем на свадьбе.

— А когда свадьба? — спросил я, чувствуя, как вся кровь вдруг хлынула мне к лицу и сердце неровно и мучительно забилося. За печью пошевелилось и послышалось щелканье семян.

— Да что, надо бы на той неделе сыграть, мы готовы, — отвечала старуха просто, спокойно, как будто это дело и не было моей любви, — я все для Марьянушки собрала, припасла. Мы хорошо отдадим, да вот немного неладно. Кирка-то наш что-то уж загулял очень.

— Как бы он не попался, — сказал я.

— И я говорю. Ты, Кирушка, не шали, ну, молодой человек, известно куражится, да ведь на все время есть. Ну, отбил, украл, абрека убил, молодец, ну и смирно бы пожил. А то уж вовсе скверно!

— Да, я его раза два видал, все пьяный, — сказал я и оглянулся на печь.

Большие черные глаза блестели на меня строго и недружелюбно. Мне стало совестно за то, что я сказал.

^{117*} Первоначально: горят особен

^{118*} Далее было: поклонится

^{119*} Далее было: как коза

^{120*} Далее начато: с особенным

— Что ж, он никому худа не делает, — вдруг сказала Марьяна, — на свои деньги гуляет, — и, спустив ноги, она соскочила с печи и вышла, сильно хлопнув дверью. Я следил за ней глазами и не помнил, не понимал ничего, что мне говорила Гавриловна ^{121*}.

Через несколько минут вернулся старик хорунжий с дядей Ерошкой и она с Устинькой.

— Здорово дневали? — пропищала она. — Все гуляешь?

— Да, гуляю. — Я хотел уйти и не мог, хотел говорить и не мог, молчать мне тоже казалось невозможно. Илья Васильич помог мне, он предложил мне выпить. Мы выпили с ним, потом я выпил с Ерошкой, потом еще с И<льей> В<асильичем>, потом еще с Ерошкой. И чем больше я пил, тем мне становилось тяжелее на сердце. Но старики разгулялись. Девки обе залезли на печку и пушукали, глядя на нас. Мы пили до вечера, я ничего не помню. Казаки что-то кричали; старуха их выгоняла вон и не давала больше чихиря, девки смеялись над дядей Ерошкой, и уж было часов 10, когда мы все вышли на крыльцо. Устинька побежала домой, Ерошка повел И<лью> В<асильича> к себе, старуха пошла прибираться в избушке. Марьяна оставалась одна в хате. Не помню, как мне это пришло в голову, но я вернулся в хату. Марьяна укладывалась спать. Я подошел к ней, хотел ей сказать что-то, но голос оборвался у меня. Она села на постель, подобрала под себя ноги, отодвинулась ^{122*} от меня в самый угол, и молча испуганным диким взглядом смотрела на меня. Она считала меня пьяным и боялась меня. Мне стало жалко ее, совестно за себя и вместе с тем я почувствовал гордое удовольствие в том, что возбуждаю в ней это чувство.

— Марьяна, — сказал я. — Неужели ты никогда не сжалишься надо мной? Я не знаю, как я люблю тебя.

Она отодвинулась еще дальше.

— Вишь вино-то что говорит. Ничего тебе не будет.

— Нет, не вино, не выходи за Кирку. Я женюсь на тебе. — Что же это я говорю? — подумал я в то самое время, как выговаривал эти слова. — Пойдешь за меня?

Она серьезно посмотрела на меня, испуг ее как будто прошел. Не помню и не хочется вспомнить тех безумно-нежных слов, которые я говорил ей.

— Ну что, брешь? — прервала она меня вдруг, схватив за руку, которую я протягивал к ней. Но она не отталкивала моей руки, а крепко сжала ее своими сильными шаршавыми пальцами. — Разве господа на мамуках женятся? Иди!

— Да пойдешь ли? — повторил я.

— А Кирку куда денем, — сказала она смеясь. Я вырвал у нее руку и обнял ее сильное, твердое тело; но она ^{123*} как серна вскочила, спрыгнула босыми ногами и выбежала на крыльцо. Мгновенно счастья с этой женщиной и больше ничего не хочу от жизни.

^{124*} Завтра я опять пойду к ним ^{125*} и решил узнать свою участь ^{126*}. Что из этого будет, я не знаю; но я живу не сам по себе, есть что-то сильнее меня, руководящее мною. Я мучаюсь, страдаю; но я живу, теперь только живу, прежде я был мертв, как это дерево. Прощай.

^{121*} Далее начато: а. Я чувствовал себя; б. Мне плакать хотелось.

^{122*} Далее было: дальше

^{123*} Далее начато: отск<очила>

^{124*} Зачеркнуто: Нынче я

^{125*} Далее было: и пост<араюсь>

^{126*} Далее было: Она знает, что она красота и